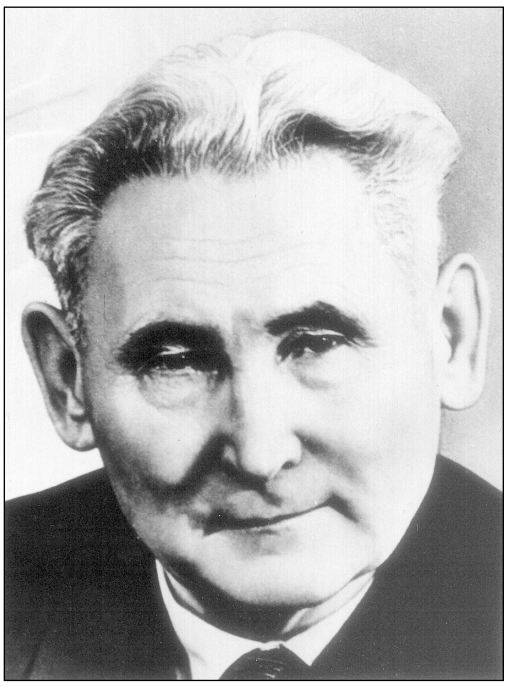
Ш. МАННУР:

«Нам кажется, что права автономных республик за последние 25 лет все больше и больше свертываются»

Шайхи Маннур (1905-1980) — один из ярких представителей татарской культуры. Он не был противником советского политического режима, но и не был конформистом. В послевоенный период Ш. Маннура подвергли разгромной критике за попытку отразить в стихах неприкрытую правду жизни. За принципиальную позицию в вопросах творчества его исключили из рядов ВКП(б), что в советское время могло означать конец профессиональной карьеры. Однако критическое начало у Ш. Маннура оказалось сильным, о чем свидетельствует его публикуемое ниже письмо Н. С. Хрущеву.

Определенная либерализация политического режима в период хрущевской «оттепели» пробудила у казанской общественности надежду на изменение национальной политики. Наиболее радикальные требования исходили от национальной интеллигенции. Многие ее представители стали активно выступать за возрождение традиций своего народа, поднимали вопрос о необходимости повышения государственного статуса республики, противодействия процессам сужения сферы применения татарского языка, падении татарской культуры. Неудивительно, что Ш. Маннур, отличавшийся умением говорить правду и следовать ей даже в период послевоенной сталинской реакции, после XX съезда КПСС не побоялся напрямую обратиться к первому лицу государства с откровенным изложением своего видения социально-экономической и социокультурной ситуации в Татарской республике.

Содержание письма говорит о глубоком понимании его автором тех тенденций, которые вели к неблагоприятным общественным трансформациям.

Процесс стремительной индустриализации и связанной с ней урбанизации превращал массы жителей деревни в горожан. В большинстве своем они попадали из однонациональной в многонациональную среду, где общение строилось на русском языке. Налицо были признаки кризиса национальной самоидентификации татар. Складывавшаяся веками культура народа оказалась невостребованной наиболее об-

разованной его частью, духовный мир которой все более поддавался влиянию русской и зарубежной культур.

Размышление над последующей историей в свете данного документа наводит на мысль о значимости диалога властей с прогрессивно мыслящей неконформистской частью общества. Неумение рационально и своевременно использовать имеющийся в обществе интеллектуальный потенциал неизбежно приводит к утрате реформационных ресурсов, а в дальнейшем и к деструкции социальной системы.

Письмо Ш. Маннура Первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву

18 мая 1957 г.

Дорогой Никита Сергеевич!

Знаю, что Вы чрезвычайно заняты, все же очень хотел бы, чтобы Вы уделили 10 минут этому письму. Давно собирался обратиться к Вам, но не решался, боялся, что ошибаюсь. Потом крайне помешали венгерские события. Теперь все это благополучно улеглось, и я имею возможность написать Вам о самом наболевшем для меня. Вопрос о положении дел в Татарской АССР.

Мы, рядовые коммунисты-«националы», считаем, что XX съезд нашей партии был поворотом лицом к народам Советского Союза по-ленински. Особо большая забота проявляется сейчас к союзным республикам, расширили их права в области политической, экономической и культурной жизни, передаются в их ведение многие предприятия и учреждения, выращиваются национальные кадры, поощряется их руководство делами своей республики. Одним словом, принимаются меры, чтобы со временем все 15 союзных республик были подлинно равноправными.

Еще обрадовала нас шестая сессия Верховного Совета СССР, с трибуны которой было объявлено о восстановлении прав тех малых народов, которые в недавнем прошлом совершенно незаконно были ликвидированы. Этот акт смоет то позорное пятно, которым когда-то было запачкано лицо социалистической страны перед историей. (Только непонятно, почему оставлены в изгнании одни крымские татары?).

Все эти мероприятия партии глубоко нас радуют и вдохновляют. Тем не менее, однако, на местах не все обстоит благополучно. В особенности в некоторых автономных республиках и областях жизнь народа крайне трудная. Нам кажется, что права автономных республик за последние 25 лет все больше и больше свертываются. И вот в настоящее время в Татарской АССР создалось такое положение, которое вызывает тревогу у ряда коммунистов, у ряда честных людей.

Во-первых, колхозное крестьянство республики переживает глубокое экономическое затруднение. Подавляющее большинство из них не ест досыта хлеба, хотя само производит его. Вот уже примерно 18-20 лет как это большинство получает на трудодень по 200-500 г зерна в среднем. Главная его опора — картофельный огород, а в годы войны и после (некоторое время) ели травы. Сейчас в народе выросло даже такое поколение молодежи — мелких недорослков, которое зовут «картофельным племенем». Есть, конечно, у нас до 50 колхозов-миллионеров и несколько десятков (даже до сотни) средних колхозов. Но не они решают дело. Абсолютное большинство, повторяю, отсталые колхозы. Они не имеют денежного дохода, животноводство в них находится в очень плохом состоянии, зимой из-за недостатка кормов терпит значительный процент потерь поголовье. Например, в одном из районов с октября по март этой зимы пало 1 500 голов скота. Свиноводческие фермы в большинстве татарских колхозов не только не приносят дохода, но находятся прямо в плачевном состоянии.

Положение колхозов усугубляется еще и тем, что пахотные земли, в особенности в северо-восточных районах, довольно-таки истощены. Весь правый берег Камы состоит из гористых, с глубокими и частыми оврагами, полей, где красная глинистая почва очень бедна питательными для хлебов веществами и где эрозия почвы из года в год неудержимо увеличивается весенне-осенними водами и приводит в негодность все большую площадь полей. Южные и юго-восточные районы Татарстана в почвенном отношении

хотя и лучшие, но там большую площадь занимает сейчас нефтяная промышленность. Однако и те районы, как и вся Татария, слишком зависимы от климатических условий. Если июнь мы сидим без дождей, то остаемся без хлеба.

Несмотря на все это, норма хлебопоставок для нашей республики довольно-таки высокая. Говорят, что мы имеем двойную норму поставок против наших соседей чуваш, где, между прочим, гораздо лучшие и плодородные земли, чем наши. Бывают годы, когда у колхозников не остается даже семенного фонда, самого необходимого фуража, забирается все, чтобы выполнить хлебозадание. Тут о выплате на трудодни и говорить нечего. Отставанию наших колхозов способствует и то обстоятельство, что до сих пор наши колхозы по-настоящему не укреплены способными, энергичными и умелыми кадрами. Да и руководители республики занимались колхозами поверхностно, на расстоянии. Я знаю, например, такой сельский район, где первый секретарь обкома не бывал в течение последних 6 лет.

Таким образом, наше колхозное крестьянство в экономическом отношении несравнимо далеко отстает от колхозников Украины, Азербайджана, Узбекистана, Казахстана, Киргизии, прибалтийских республик, да и многих областей РСФСР. У меня возникает вопрос: почему колхозный крестьянин Татарской республики так должен страдать экономически по сравнению с его братьями из других республик и областей? (По-моему, примерно такое же положение существует и в Удмуртской, Марийской, Башкирской АССР).

Во-вторых, положение всего трудового населения, живущего в таких городах, как Казань, Чистополь, Елабуга, Мамадыш, Бугульма, Тетюши и др[угие], тоже оста[вля]ет желать много лучшего. Город Казань — столица автономной республики — снабжается товарами и продуктами первой необходимости гораздо хуже, чем Киев, Харьков, Свердловск, Ташкент, не сравнивая уже с Москвой и Ленинградом. Подавляющая часть населения Казани питается с рынка по двойной-тройной цене за продукты. А сельские районы нормально не снабжаются даже чаем, сахаром. Это татарам особенно трудно. В Казани крайне плохо обстоит дело с жилищным вопросом. В городе очень много аварийных, полуаварийных домов, зданий, требующих капитального ремонта, где живут многочисленные семьи рабочих и служащих в весьма тяжелых условиях. Работники горисполкома мало беспокоятся об этом, жилищное строительство в самом городе мизерное. Лишь строятся окраины за счет номерных заводов. Город крайне запущен, улицы содержатся в безобразном состоянии, гниют и разваливаются даже великолепные здания только из-за отсутствия своевременного ремонта крыш, водосточных систем, подвалов и т. д.

В-третьих, национальные кадры в производстве и науке составляют ничтожный процент. Руководящие кадры и ведущие специалисты из татар в республиканском госаппарате, министерствах, учреждениях, предприятиях, [на] заводах, железнодорожном и водном транспорте, [в] нефтяной промышленности и номерных заводах, вузах Казани, которые должны бы были занять командные посты, почти не имеются и не подготавливаются. Не менее 90 % (если не больше) инженерно-технического персонала нашей нефтяной промышленности завезено извне. Также рабочих-нефтяников, около 40 тысяч человек, завезено из других районов и областей, тогда как еще большее количество рабочей силы из Татарии отправляется в другие края и области. Характерный факт: Бавлы, Альметьевск и Азнакаево, где расположен центр нефтяной промышленности, являются исключительно татарскими районами. Но процент нефтяников из татар составляет только 40 %. Выходит, что коренное население плохо привлекается в производство.

В промышленности самой Казани большинство рабочих-татар имеют низкую и среднюю квалификацию. Вопросом подготовки высококвалифицированных рабочих из татар, которые стали бы основными кадрами своего завода, никто не занимается. Я это говорю вот почему: при царизме татарский рабочий не имел доступа к машинам. Сейчас его нужно как можно больше и ближе приобщить к высокой технике.

Крайне мало у нас докторов и кандидатов наук, профессоров, преподавателей [из] татар в казанских вузах. Нет ни одного академика. Преподаватели средних школ тоже недостаточно подготовлены. Там надо обновить, по крайней мере, 50-60 % всего состава. А секретари наших райкомов КПСС и председателей райсоветов в большинстве

своем просто изношены, без высшего образования. Многие из них умеют руководить народом и коммунистами только путем администрирования, проработок. К таким же, к сожалению, относится и некоторая часть работников Татарского обкома КПСС.

В-четвертых, у нас много запутанности, порой извращения, в области просвещения, языка и литературы, культуры и искусства. В Казани и многих районах все делопроизводство, даже судопроизводство, поставлено на русском языке. Наши руководители выступают только на русском языке. В программах для татарских средних школ все меньше и меньше отводится часов для преподавания татарского языка и литературы. За счет этих часов проводится местами политехнизация, местами сокращение предметов и усиление преподавания русского языка. Однако, несмотря на это, молодежь, окончившая татарские средние школы, из-за недостаточного знания русского языка в большинстве своем не попадает в казанские вузы. Теперь в части татарского народа создалось такое убеждение, что татарский язык потерял свою надобность, ни к чему он не нужен, все сейчас ведется по-русски, как и в старое время.

В результате такого положения в Казани имеется всего 4-5 татарских школ. Скоро и их не будет. Родители отказываются отдавать туда своих детей. А ведь вопросы образования на родном языке и развития культуры в национальной форме были одним из революционных завоеваний народа, благодаря великому Октябрю.

Из всего вышесказанного возникают некоторые вопросы:

1) Нуждается ли великий русский народ и требует ли от нас партия, чтобы мы все поставили только на русском языке и постепенно вытеснили из обихода родной язык?

2) Отомрут ли и должны ли обязательно отмереть языки народов Советского Союза еще до коммунизма и обязательно ли народы придут в коммунизм только через русский язык, т. е. потеряв главный свой национальный облик?

3) Имеют ли право народы Советского Союза учиться в вузах на своем родном языке и [не] явится ли это национализмом, разобщенностью, отставанием от развития общественной науки и культуры?

Если да, то как понять европейские народы, у которых образование целиком поставлено на своем языке, но [они] никак не отстают от общего развития и общения?

Далее, многие сельские школы, клубы и районные дома культуры находятся в плачевном состоянии. Большинству из них требуется капитальный ремонт или нужно построить заново. Никакая культпросветработа в этих клубах не ведется. Наше министерство культуры ими не занимается. Главная беда в том, что нет для всех этих нужд денежных средств.

За послевоенное десятилетие татарская литература и искусство имеют очень незначительные сдвиги. Татарский драматический театр в особо трудном положении. Он из года в год расстается со своими лучшими старыми кадрами, а новых не выращивает. В это десятилетие секретари обкома руководили литературой и искусством только путем окрика, проработки, исключения и громовых постановлений. Поэтому развитие литературы и искусства не только не поощряется, а искусственно ограничивается. Несчастье в том, что эти товарищи не читают и не понимают своей литературы. Отсюда отсутствие всякого живого партийного руководства этой областью.

В-пятых, нас особо угнетает положение, что почему-то существует два права: право союзных республик, право автономных. Отсюда два отношения к ним. Союзные республики имеют больше преимуществ в любом вопросе, больше прав в политической, экономической и культурной жизни, получают больше бюджетных ассигнований и других средств и т. д. Приведу некоторые мелкие примеры:

1) При различных заграничных поездках всегда в надлежащем количестве участвуют деятели союзных республик, но почти всегда забывают автономные республики;

2) Даже на различных совещаниях и съездах в Москве делегатов размещают по признакам союзных и автономных. «Союзные республики» размещают в гостинице «Москва» и аналогичных, «автономщики» — в гостиницах «Урал» [и] т. п.;

3) Труд писателей, композиторов, художников, драматургов автономных республик оплачивают на 30 % ниже, чем в союзных республиках;

4) Издательства Татарии отчисляют в счет литфонда ежегодно 200 тыс. руб., однако литфонд СССР забирал себе такую сумму, отпуская нам всего 40 тыс. руб. в год;

5) Во всех выступлениях руководителей нашей страны всегда звучит теплое заботливое отношение к союзным республикам, но в адрес автономной мы не всегда слышим это. А руководители РСФСР вообще забывают про нас.

И вот получается такое грустное впечатление, что мы, «автономщики», являемся как бы второсортными людьми. Правильно ли все это?

Дорогой Никита Сергеевич, есть еще один вопрос. Дело в том, что за пределами ТАССР находятся еще три с лишним миллиона татар. Они живут как коренное население Ульяновской, Куйбышевской, Рязанской, Пензенской, Горьковской, Саратовской, Московской, Астраханской, Сталинградской, Чкаловской, Молотовской, Тюменской, Омской, Томской, Кемеровской, Новосибирской и других областей, Башкирской АССР, Узбекской, Казахской, Киргизской и др[угих] ССР. Для них до 1935 г. издавались в различных городах свыше 10 газет и 3-4 журнала, были открыты национальные школы, культурные учреждения, работали театральные коллективы. Теперь все это ликвидировано. Местами ликвидируются даже сельские начальные школы и вместо них открываются смешанные или русские школы. Таким образом, огромная масса татар искусственно оторвана от своей культуры, от родного языка. Приведу только один факт. Недавно я узнал, что в одной только Москве постоянно проживает 515 тыс. татар. Никакая работа, никакое культурное обслуживание среди них не ведутся. Между тем духовенство работает, имея там мечети. Выходит, что они не забывают про свою паству, а мы, коммунисты, забыли! Не является ли это грубейшим извращением ленинской национальной политики?

Секретарь обкома партии Батыев недавно говорил нам, что кто-то по Казани пустил листовку от имени «Общества спасения татарской культуры». Но он не сказал, почему это стало возможным. Мне думается потому, что и работники нашего обкома, и мы, коммунисты-интеллигенты, перестали заботиться о судьбах народа, руководить его духовной жизнью, удовлетворять его культурно-политические запросы. И выходит, что враг начинает брать эти задачи на себя.

Наконец, последний вопрос. Татария дает стране миллионы тонн нефти, но благами этого богатства народ почти не пользуется. Неплохо было бы, если бы РСФСР или другие инстанции отпустили бы значительную сумму нефтяных денег для улучшения жизни и благосостояния татарского народа, для его культурного обслуживания.

Вот круг вопросов, дорогой Никита Сергеевич, который до сих пор не давал мне покоя. Весьма возможно, что я во многом ошибаюсь, но я крепко верю, что в таком случае вы меня отечески поправите.

Убедительно прошу только мое письмо не присылать в Татарский обком. Ибо люди там займутся не решением поднятых вопросов, а проработкой автора письма.

С глубоким уважением к Вам и горячим приветом.

Маннуров Ш. Ф., член партии с 1944 г. № 04269603.

Российский государственный архив социально-политической истории,
ф. 556, оп. 14, д. 55, л. 108-116.

Альфия Галлямова,
кандидат исторических наук